

Научная статья
УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.7>

АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 60-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Марианна Размиковна Григорян

Пятигорский государственный университет (д. 9, пр-кт Калинина, Пятигорск, 357500, Российская Федерация)
Аспирант
grigorian-mr@pgu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-3832-0480>

Аннотация. Введение. Социокультурное многообразие Северного Кавказа поставило перед Российским государством задачу по поиску наиболее эффективной модели управления регионом и разработке оптимальных правил будущего устройства края. Внедряемая административно-судебная система в наибольшей мере должна была учитывать реалии во взаимоотношениях российских властей и автохтонных народов Кавказа, тем самым содействуя налаживанию отношений в условиях постепенного угасания вооруженного противостояния. В этой связи статья повествует о становлении российской системы административно-судебного регулирования на Кавказе в 60-е годы XIX века и особенностях регионального воплощения внедряемых преобразований. **Материалы и методы.** Источниковую базу настоящего исследования составили архивные материалы и опубликованные источники, относящиеся к различным этапам исследуемого периода. Важное значение также имели материалы, представленные в таких крупнейших изданиях как «Полное собрание законов Российской империи» и «Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией». В качестве приемов историко-политического исследования применялись принципы научности и историзма, а также использовались такие научные методы как историко-системный, историко-сравнительный и дескриптивный, позволившие более глубоко понять исторические процессы, протекавшие на Северном Кавказе в рассматриваемый период. **Анализ.** Обзор законодательной базы, устанавливающей функционирование военно-народной системы управления, свидетельствует об исключительности данной системы. Так, военная система управления, действовавшая

на территории Дагестанской, Терской и Кубанской областей на всех своих уровнях обладала широким кругом полномочий, предоставлявшим права в области осуществления контроля над системой судопроизводства, использования войск, задержания и административной высылки представителей коренных народов. Наряду с этим, недостаточно четкие формулировки, определяющие порядок осуществления данных полномочий, а также отсутствие структур, позволяющих осуществлять независимый контроль, усиливали вероятность злоупотреблений должностными лицами системы военно-народного управления своих служебных обязанностей. **Результаты.** Формирование системы военно-народного управления на Северном Кавказе позволило успешно реализовать все стоящие перед российской администрацией задачи в рассматриваемый период. Кроме того, удалось ликвидировать угрозу повторения войны, существовавшую в регионе после победы над имаматом.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказ, система управления, горские общества, административно-судебная система, правовое регулирование

Для цитирования: Григорян М. Р. Административно-судебные преобразования Российской империи на Северном Кавказе в 60-е годы XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 67–75. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.7>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 16.08.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.11.2023.

Статья принята к публикации: 28.12.2023

Research article

ADMINISTRATIVE AND JUDICIAL TRANSFORMATIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 60s OF THE 19th CENTURY

Marianna R. Grigoryan

Pyatigorsk State University (9, Kalinina Avenue, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation)
Postgraduate student
grigorian-mr@pgu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-3832-0480>

Abstract. The socio-cultural diversity of the North Caucasus has set the Russian state the task of finding the most effective model of regional governance and developing optimal rules for the future structure of the region. The administrative and judicial system being implemented had to take into account the realia in the relations between the Russian authorities and the autochthonous peoples of the Caucasus to the greatest extent, thereby contributing to the establishment of relations in the conditions of the gradual extinction of the armed confrontation. In this regard, the article tells about the formation of the Russian system of administrative and judicial regulation in the Caucasus in the 60s of the XIX century and the peculiarities of the regional implementation of transformations. **Materials and Methods.** The source base of this study consists of archival materials and published sources related to various stages of the study period.

The materials presented in such major publications as The Complete Collection of Laws of the Russian Empire and the Acts Collected by the Caucasian Archaeological Commission were of great importance. The principles of scientific and historicism were applied as methods of historical and political research, as well as such scientific methods as historical-systemic, historical-comparative and descriptive ones, which allowed a deeper understanding of the historical processes that took place in the North Caucasus during the period under review. **Analysis.** A review of the legislative framework establishing the functioning of the military-people's management system testifies to the exclusivity of this system. Thus, the military management system operating on the territory of the Dagestan, Terek and Kuban regions at all its levels had a wide range of powers that granted rights in the field of control over the judicial

system, the use of troops, detention and administrative expulsion of representatives of indigenous peoples. At the same time, insufficiently clear formulations defining the procedure for the exercise of these powers, as well as the lack of structures allowing for independent control, increased the likelihood of abuse by officials of the military-people's management system of their official duties. **Results.** The formation of a system of military-people's administration in the North Caucasus has made it possible to successfully implement all the tasks facing the Russian administration in the period under review. In addition, it was possible to eliminate the threat of the war that existed in the region after the destruction of the imamate.

Введение / Introduction. Полиэтническое и поликонфессиональное многообразие территориального пространства Российской империи выдвигало определенные требования к административно-правовой организации жизни этносов, проживающих на территории государства. Ее стандартизация и приведение к единому со всеми остальными регионами империи образцу виделось возможным только в долгосрочной перспективе, ввиду чего российская администрация старалась не торопить события. Это было связано с тем, что в рассматриваемый период основная цель правительства заключалась в признании верховенства монархии автохтонными народами. Однако осуществление реформ 60-70-х гг. привело к изменению облика России, что, в свою очередь, вело к неизбежной трансформации административно-судебных органов власти, которым для эффективного функционирования необходимо было соответствовать новой исторической реальности.

Завершившееся вооруженное противостояние позволило сконцентрироваться на выполнении данной задачи. Ее решение, во-первых, содействовало бы налаживанию эффективного управления регионом, а, во-вторых, позволило бы убедить население в равноправии с другими народами, населявшими империю. Единая судебно-административная система, общие правила, действующие на всем правовом пространстве империи, давали возможность жителям Северного Кавказа, в случае их переселения, быстро адаптироваться в любом районе страны.

Материалы и методы / Materials and methods. Настоящее исследование основано на принципах научности и историзма, которые позволяют рассмотреть действительность как изменяющуюся и развивающуюся во времени. Вместе с тем исследование каждого факта осуществляется неот-

Keywords: Russian Empire, Caucasus, management system, mountain societies, administrative and judicial system, legal regulation

For citation: Grigoryan MR. Administrative and judicial transformations of the Russian Empire in the North Caucasus in the 60s of the 19th century. *Humanities and law research*. 2024;11(1):67-75. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.7>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 16.08.2023.

The article was approved after reviewing: 18.11.2023.

The article was accepted for publication: 28.12.2023.

ривно от конкретно-исторической ситуации. Автором использовались также историко-системный, историко-сравнительный и дескриптивный методы, позволившие более глубоко понять исторические процессы, протекавшие во второй половине XIX в. на Северном Кавказе. Основной массив источников составили труды отечественных историков в области изучения административно-правовых особенностей интеграции Северного Кавказа в имперское пространство России в XIX в. В частности, большой интерес представили исследования З. М. Блиевой [2] и Г. Н. Малаховой [6], центральной темой которых стало изучение процесса становления и развития государственного управления в регионе в период с конца XVIII по XIX в. В своих трудах авторы детально останавливаются на рассмотрении проблемы организации особого управления горцами, крестьянами и казаками.

Анализу административно-правовых шагов российской администрации по интеграции Северного Кавказа в состав России посвящена работа Н. Ю. Силаева [14], который выделяет в проводимой в регионе политике меры, направленные на адаптацию традиционных устоев горцев к имперским порядкам.

Обстоятельства складывания российско-го управления Северным Кавказом, специфика имперского опыта взаимодействия с регионом и сложности, с которыми сталкивались российские власти в ходе выстраивания конструктивного межэтнического диалога рассматриваются в работе Ю. Ю. Гранкина [4], посвященной анализу управленческих практик на Северном Кавказе. Особое внимание автор уделяет сравнению двух конкурирующих моделей, представленных имперской государственной администрацией и имаматом.

Важное значение также имеют материалы, представленные в Полном собрании законов Российской империи, и, в частно-

сти, Собрание второе (1825–1881 гг.), в котором содержатся документы, изучение которых позволяет получить сведения о проводимой российской администрацией политике на Северном Кавказе.

Анализ / Analysis. Переходя к анализу формирования и развития административно-судебной системы на Северном Кавказе во второй половине XIX в., видится целесообразным сделать несколько комментариев, связанных с особенностями существовавших традиций в политической и правовой сферах жизни коренного населения региона.

Важной особенностью являлось отсутствие собственной государственности у большей части автохтонного населения Северного Кавказа на момент их включения в состав Российской империи. Власть местных князей, ханов и шамхалов не была формальной и носила номинальный характер, и по точному замечанию А. В. Крымина, представляла собой всего лишь влияние, основанное на родственных взаимосвязях [5]. Следует также отметить еще одну особенность Северного Кавказа, заключающуюся в полном верховенстве обычая в правовой культуре горцев.

Отсутствие собственной государственности у коренных народов Северного Кавказа ставила в достаточно затруднительное положение как империю, так и самих горцев. На основной части территории Кавказского края Россия не имела возможности применить привычную модель присоединения к себе новых территорий, предполагающую поэтапный переход от политики протектората до стандартизации по единому на всей территории страны образцу системы управления. Бескомпромиссная позиция руководителей имамата вынудила имперские власти ликвидировать данное государственное образование, а затем «с чистого листа» приступить к административному устройству на Северном Кавказе. В этой связи сразу после завершения Кавказской войны региональная администрация осознала необходимость в организации в короткие сроки собственной системы управления на новых присоединенных территориях с целью недопущения эскалации агрессии в регионе, в то время как для горцев интеграция в имперское пространство приняло острый и даже в какой-то степени шоковый характер.

Таким образом, в ходе создания административно-судебной системы на Север-

ном Кавказе имперские власти в регионе руководствовались важностью решения ряда взаимосвязанных задач. Первая задача заключалась в формировании административно-судебной системы в максимально короткие сроки во избежание уничтожения всех приобретений Кавказской войны в случае утраты контроля над регионом. Вторая задача сводилась к обеспечению безопасности в регионе и закреплению военной победы России в результате успешного административного строительства. Не зря А. И. Барятинский призывал рассматривать процесс управления коренными жителями региона как на продолжение их замирения [5]. Наконец, третья задача сводилась к учету специфики правовой и политической культуры горцев в процессе формирования административно-судебной системы. Именно такого подхода придерживался Великий князь Михаил Николаевич, предлагавший действовать в несложных и понятных горцам формах [3, с. 3].

Немаловажным фактором административно-судебного строительства была специфическая «самоорганизация» горцев, вернувшихся после уничтожения власти имама Шамиля к привычным порядкам судопроизводства на основе адатного права [13]. Также важное значение имели особенности стратегии, которой придерживались М. С. Воронцов и А. И. Барятинский в период замирения Чечни и Дагестана. В рамках данной стратегии на территориях, занятых горцами, осуществлялось строительство укреплений с последующим размещением в них гарнизонов. Таким образом, силой, в поддержке которой нуждался наместник для осуществления своих начинаний, стала армия. В сложившихся условиях самый простой путь, ведущий к организации управления местными жителями, заключался в передаче административного функционала командующим гарнизоном, потому как именно офицеры армии, как никто другой, были знакомы с местными реалиями и обладали знаниями обычаев и традиций жителей.

Первые шаги по созданию системы управления Кавказом, получившей название «военно-народной», были предприняты еще М. С. Воронцовым [4, с. 98]. В годы своего администрирования в крае Михаил Семенович являлся сторонником активного привлечения представителей коренного

населения Кавказа к институтам власти, полагая, что именно им удастся лучше прибывших в регион чиновников разрешить имеющиеся проблемы и противоречия. В то же время сохранялись сомнения в отношении отсутствия лояльности со стороны таких кадров к имперской власти. В полной мере используя потенциал выходцев из местной среды, и пытаясь, вместе с тем, нивелировать их недостатки, М. С. Воронцов приступил к эксперименту по формированию смешанного управления, в соответствии с которым представители российской власти осуществляли контроль над горскими обществами, при этом не вмешиваясь в их внутренние дела. Вместе с тем необходимо отметить, что реализация такой системы предполагала широкое использование потенциала армии. Как было отмечено ранее, такой подход был связан, прежде всего, с тем, что именно военные лучше всего разбирались в особенностях сложившейся в регионе ситуации и могли наладить эффективное сотрудничество с пользовавшимися авторитетом представителей горских обществ.

В качестве экспериментальной площадки выступила Грузия, на территории которой М. С. Воронцов внес ряд изменений в процесс осуществления гражданского управления и судопроизводства. В частности, была решена проблема волокиты, сопровождающей процесс разбора дел, которая негативно воспринималась населением, и, тем самым, подрывала авторитет государства [4, с. 98]. В результате внесенных наместником корректив процесс судебного разбирательства был значительно ускорен. При этом М. С. Воронцов подчеркивал, что правительство империи не вмешивается в разбирательства, проводимые по адату, который мог бы иметь достаточно эффективное применение наряду с письменными законами, действующими на территории империи. Впоследствии подобная практика получила широкое распространение на территории края, приобретя сторонника в лице А. И. Барятинского.

Следует также отметить и наличие у российских властей определенного опыта использования армии для управления мирной частью коренного населения, полученного в процессе формирования административно-судебной системы на части территории Чечни после победы над имамом

Шамилем. Такой метод был апробирован непосредственно А. И. Барятинским, по распоряжению которого из числа офицеров был назначен «начальник Чеченского народа», внедрено «народное судилище», или «межкеме», в состав которого входили главный кадий и три судьи, избранные местными жителями, а территория, на которой проживали чеченцы, разделена на округа, управляемые наибами, подчинявшихся в свою очередь, «начальнику Чеченского народа» [9]. Таким образом, удалось достичь сочетания традиционного горского судопроизводства и контроля административно-судебной системы со стороны российской власти [8, с. 42].

Данный опыт был признан удачным и в результате стал основой военно-народной системы управления, сформированной на территориях, занятых горцами после завершения Кавказской войны. Основная идея такой системы состояла в наделении представителей военных властей, имеющих особые полномочия, всем спектром административных функций, а также в сохранении судопроизводства на основе обычного права, но под строгим контролем администрации региона с целью недопущения противоречия адатного судопроизводства основному законодательству империи.

Военно-народное управление распространялось на всю территорию проживания горцев, независимо от степени их участия в Кавказской войне, однако сам процесс организации данной системы в тех или иных районах различался как по своему темпу, так и по характеру.

Одной из первых подверглась реформированию территория Дагестана. Особенность создания военно-народного управления на данной территории заключалась в том, что после завершения боевых действий на протяжении нескольких лет власть российских военных администраторов делилась с властью представителей «старой знати» – ханов, князей, шамхалов и умциев, надеявшихся вернуть былую силу после уничтожения имамата, в связи с чем в короткие сроки необходимо было упорядочить систему местного управления и судопроизводство.

В результате 5 апреля 1860 г. А. И. Барятинским было утверждено «Положение об управлении Дагестанской областью» [1], в соответствии с которым в составе Кавказ-

ского края создавалась Дагестанская область с административным центром в г. Темир-Хан-Шура, включающая в себя 4 военных округа и 2 гражданских управления.

В соответствии с новыми правилами [1], управление в области осуществлялось путем сочетания российских законов и обычаев коренных жителей. Причем, отмечалось, что данные правила не являются аксиомой и могут быть откорректированы и дополнены в случае необходимости [7, с. 263].

Согласно пункту 11 «Положения об управлении Дагестанской областью» [1], военно-народное управление делилось на три направления: управление войсками, управление горскими обществами и ханское управление. Все функции административного и судебного характера находились под руководством начальника Дагестанской области, занимавшего наряду с этим должность командующего войсками.

Российские власти, не желая вносить изменения в привычные традиции и обычаи коренных жителей, придерживались политики невмешательства в решение различного рода бытовых вопросов. Во-первых, это привело бы только к новой волне конфликтных ситуаций с горцами, а во-вторых, содержание чиновничьего аппарата могло потребовать значительных финансовых затрат.

Сохранение власти «старой» знати в ряде районов Дагестана было осуществлено, во-первых, в целях упрощения перехода горцев к российской системе управления, во-вторых, посредством возвращения власти к прежним до имамата правителям коренным жителям выражалась благодарность за оказанную помощь и поддержку в период военных действий, в-третьих, светская власть прежних правителей, по задумке российских властей, могла стать потенциальным противовесом основному противнику империи на территории Северного Кавказа – исламскому духовенству [3, с. 72]. Также необходимо отметить и элемент политической демонстрации: российские власти возвращали в регион разрушенные в годы правления имамов старые порядки, которые для консервативного коренного населения являлись традиционными и, соответственно, правильными.

Кроме того, привлечение местных правителей предоставляло российской администрации возможность получать грамотную консультацию по различного рода во-

просам и, в первую очередь, правовых традиций, осведомленность в области которых помогло бы избежать в будущем массовых волнений.

Для осуществления судопроизводства были учреждены Дагестанский областной суд, комиссии военного суда и горские словесные суды. Располагавшийся в Дербенте Дагестанский областной суд занимался гражданскими и уголовными делами, военные суды рассматривали дела по обвинениям горцев в особо тяжких уголовных и политических преступлениях, а словесные суды, действовавшие на основе адатного права, ведали всеми остальными уголовными и гражданскими делами, по которым обвиняли русское население области [1].

В дальнейшем развитие системы административного управления на территории Дагестанской области было связано с постепенным оттеснением «старой» родовой знати от осуществления административной и судебной деятельности.

Последним шагом в завершении строительства административной системы на территории Дагестанской области стало издание в 1868 году «Положение о сельских обществах Дагестанской области», устанавливающего права и обязанности сельского управления на местах и возлагающего на него фискальные и полицейские функции. Кроме того, в соответствии с данным «Положением», обозначались правила организации сельских обществ и порядок исполнения ими повинностей, а также устанавливался принцип круговой поруки в отношении сбора налогов [7, с. 292 – 303].

Управление было представлено сельским сходом, получившим название джамаат, кадием (судьей) и сельским старшиной, имевшим своих помощников – чоушей (глашатаев). В отдельных случаях сельское общество прибегало к назначению специальных людей для охраны полей и присмотра за оросительными сооружениями, называемых тургаками.

В соответствии с «Положение о сельских обществах Дагестанской области» создавались сельские суды, выполнявшие функции низшей инстанции судебной системы Дагестанской области, действующей на основе обычного права. Такие суды состояли из кадия и трех почетных лиц, пользующихся авторитетом в обществе, которых выбирали на сельском сходе.

Свою специфику системы народно-народного управления имела и Терская область. Апробированная впервые еще в 1852 г. до окончания Кавказской войны на территории, выразившей верность российским властям, методика нашла свое продолжение спустя 5 лет. Тогда было создано 4 округа, каждый из которых подчинялся своему окружному начальнику. Для осуществления судопроизводства в каждом округе был создан суд по образцу «межкеме», обязанности председателя которого выполняли начальники округов, действовавшие совместно с кадием и представителями от местных обществ [10].

Через год, в 1858 г. система военно-народного управления охватила юго-западные районы Чечни, на территории которых были учреждены три наибства – Аго, Чанты и Шатой. В управленческий аппарат наибств активно привлекали местных жителей, и в частности, из их числа были назначены наибы, подчиняющиеся, в свою очередь, управляющему наибствами из числа русских офицеров. Для осуществления судопроизводства в наибствах были сформированы окружные суды, членами которого являлись кадий, 8 судей выбранных из числа уважаемых местных жителей, а также председатель, в роли которого выступал управляющий наибствами [10].

Строительство системы военно-народного управления на территории Терской области завершилось утверждением «Положения об управлении Терской области» в мае 1862 г. [10], в соответствии с которым территория области была разделена на Западный, Средний и Восточный военных отдела и восемь округов. Административным центром Терской области был выбран город Владикавказ.

Административная система Терской области была аналогична системе, сформированной на территории Дагестанской области. Так, начальник области контролировал как военные, так и гражданские сферы и обладал рядом полномочий, связанных с правом использования войск для подавления волнений, правом административного выдворения за пределы региона подозрительных лиц в интересах поддержания безопасности, правом утверждения решений, принятых Главным народным судом Владикавказа, а также правом рассмотрения особо тяжких уголовных и политических дел и вынесения решений по ним.

Начальник округа осуществлял функции в области окружного управления, одновременно являлся председателем окружного народного суда и был наделен правом утверждения принятых решений. Как и начальник военного отдела, начальник округа мог принимать решения об использовании войск, обладал правом ареста и административной высылки в соображениях безопасности, правом на направление уголовных дел в военный суд для их дальнейшего рассмотрения, а также назначал кандидатов на должность старосты аула и мулл.

Выделенные на территории области восемь округов делились на наибства или участки. Наибы и руководители участков осуществляли полицейские функции, тем самым выступая промежуточным звеном между местными жителями и российской администрацией, выполняли роль председателей участковых судов, а также обладали правом задержания преступников и лиц, пропагандирующих антироссийские настроения.

Сельское управление находилось в руках старшин, которые назначались начальниками округов, заручившись согласием сельских сходов.

Система судопроизводства на территории Терской области повторяла судебную систему, действующую в Дагестанской области, и включала в себя комиссии военного суда и народные суды. В зону ответственности комиссий военного суда входило рассмотрение особо тяжких уголовных и политических дел в соответствии с военно-уголовным законодательством, а народные суды специализировались на разрешении иных уголовных и гражданских дел местных жителей на основе обычного права. При этом, народные суды функционировали на уровне области, округа и участка, а в роли высшей инстанции выступал главнокомандующий Кавказской армии.

Окружные и участковые народные суды были представлены кадиями и судьями, назначенными окружным или участковым начальником из числа выбранных местными жителями кандидатур.

Особенности формирования системы управления на территории Кубанской области для ее адыгского населения заключались в том, что к середине 60-х годов XIX в. доля адыгских жителей от общей численности населения была небольшой. Также

необходимо отметить, что военно-народная система управления для адыгов была создана лишь в период с 1865 по 1866 гг. после завершения Кавказской войны в регионе и их перемещения на равнинные территории области. В соответствии с утвержденным 20 января 1866 г. «Временным положением об управлении горцами Кубанской области» [12] была введена должность помощника руководителя Кубанской области по управлению коренными народами, однако, сфера его влияния и полномочия были меньше, чем полномочия руководителей Терской и Дагестанской областей. Отличительными чертами было отсутствие права на управление войсками, однако, начальнику области дозволялось использовать их в случае возникновения волнений на территориях, где проживало адыгское население. Помощник руководителя области осуществлял управление структурами финансового органа в адыгских округах, а также обладал правом непосредственно докладывать главнокомандующему Кавказской армии необходимые сведения. Кроме того, в полномочия помощника также входило право принятия апелляций на приговоры народных судов округов,

Территория, на которой проживало адыгское население, делилась на пять военно-народных округов, уступающих по своему размеру округам Дагестанской и Терской областей, ввиду чего в административной системе Кубанской области отсутствовали наместники и участки. Полномочия руководителей округов были аналогичны полномочиям начальников округов Терской области, и в частности, заключались в осуществлении ряда функций полицейского характера, а также в выполнении роли председателя окружного суда, утверждающего принятые судом решения.

Сельское управление основывалось на принципах схожих с Терской областью, за исключением процедуры утверждения на должность сельских старост, находящемся в зоне ответственности начальника области. Кроме того, сельское управление отвечало за выполнение фискальных и полицейских функций.

Аналогичной была и система судопроизводства. В частности, судебная система включала в себя комиссии военного суда и народных судов округов, которые наделялись теми же правами и обязанностями что и

другие территории, на которых распространялась система военно-народного управления. Важной чертой Кубанской области являлось отсутствие областного суда, действовавшего на основе адатного права. Полномочия высшей судебной инстанции сосредотачивались в руках начальника области, к которому направляли дела, не получившие утверждения начальников округов.

Внушительный объем дел, который требовал внимания главнокомандующего Кавказской армией, возникающих в ходе осуществления военно-народного управления, вызвал необходимость учреждения на территории Кавказа специального органа по организации и согласованию деятельности администраций всех областей. Этим органом стала Канцелярия по управлению коренными народами, сформированная при Главном штабе Кавказской армии [1], которая в 1865 г. в результате основания Кавказского военного округа была реорганизована в Кавказское горское управление при окружном штабе [11]. Позднее, в результате присоединения к России Карской и Батумской областей, на территории которых также была сформирована система военно-народного управления, Кавказское горское управление было трансформировано в Кавказское военно-народное управление.

Результаты / Results. Подводя итоги, необходимо отметить ряд присущих военно-народной системе характерных черт. Обзор законодательной базы, устанавливающей ее функционирование, свидетельствует об исключительности данной системы. Так, военная система управления, действовавшая на территории Дагестанской, Терской и Кубанской областей на всех своих уровнях обладала необъятными полномочиями, предоставлявшими права в области осуществления контроля над системой судопроизводства, использования войск, задержания и административной высылки представителей коренных народов. Наряду с этим, недостаточно четкие формулировки, определяющие порядок осуществления данных полномочий, а также отсутствие структур, которые могли бы предоставить независимый контроль, усиливали вероятность злоупотреблений должностными лицами системы военно-народного управления своих служебных обязанностей.

Кроме того, существующая на территории Северного Кавказа административная

система была исключена из общероссийской системы управления, ввиду чего центральные органы государственной власти практически не принимали участия в рассмотрении возникающих вопросов в области управления коренными народами региона. Система судопроизводства, высшая инстанция выступала в качестве внутренней деятельности кавказской администрации.

Особенно необходимо отметить, что формирование системы военно-народного управления на Северном Кавказе позволило успешно реализовать все стоящие перед российской администрацией задачи. Кроме того, удалось ликвидировать угрозу повторения войны, существовавшую в регионе после победы над имамом имамата. Отдельные

вспышки волнений все же имели место быть, но, как правило, их охваты и продолжительность были несущественны.

Сформированная в 60-е годы XIX века военно-народная система управления продолжала развиваться в рамках двух направлений. На территории Дагестанской области ее основные положения действовали вплоть до конца XIX века, за исключением небольших изменений, связанных с модернизацией наибоких управлений и выделением функции по управлению войсками от системы административного управления, а на территории Терской и Кубанской областей предпринимались попытки ее упразднения и частичной стандартизации по единому общеимперскому образцу.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказа, 1904. Т. XII. 1552 с.
2. Блиева З. М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. 108 с.
3. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб.: Военная типография, 1870. 120 с.
4. Гранкин Ю. Ю. Управленческие практики на Северном Кавказе: от соперничества к симбиозу: монография. Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2020. 155 с.
5. Крымин А. В. Тарикат // Международный исторический журнал. 2000. № 9. URL: <https://oldsufiwebzine.wordpress.com/2001/10/14/крымин-ав-тарикат/> (дата обращения: 20.04.2023 г.).
6. Малахова Г. Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2001. 400 с.
7. Материалы для истории управления Дагестанской областью // Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1902. Вып. 1. С. 231–372.
8. Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М.: ЗАО Центрополиграф, 2007. 428 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881). СПб.: Типография 2 Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1853. Т. XXVII. № 26740.
10. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881). СПб.: Типография 2 Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1858. Т. XXXII. № 32541, № 33847, № 38326.
11. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881). СПб.: Типография 2 Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1877. Т. XL. № 42368.
12. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881). СПб.: Типография 2 Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1878. Т. XLI. № 4913.
13. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 950.
14. Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 240 с.

References

1. Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission. Tiflis: Printing house of the General Directorate of the Governor of the Caucasus; 1904. Vol. XII. 1552 p. (In Russ.).
2. Blieva ZM. The management system in the North Caucasus at the end of the XVIII – first half of the XIX century. Vladikavkaz: Publishing House of SOSU; 1992. 108 p. (In Russ.).
3. The most comprehensive report of the Commander-in-Chief of the Caucasian Army on military-people's administration for 1863-1869. St. Petersburg: Military type; 1870. 120 p. (In Russ.).
4. Grankin YuYu. Managerial practices in the North Caucasus: from rivalry to symbiosis: monograph. Pyatigorsk: Publishing house of PSLU; 2020. 155 p. (In Russ.).
5. Krymin AV. *Tarikat Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal*. 2000;9. Available from: <https://oldsufiwebzine.wordpress.com/2001/10/14/крымин-ав-тарикат/> (accessed: 20.04.2023). (In Russ.).
6. Malakhova GN. Formation and development of Russian public administration in the North Caucasus at the end of the XVIII – XIX centuries. Rostov-on-Don: SKAGGS Publishing House; 2001. 400 p. (In Russ.).

7. Materials for the history of management of the Dagestan region. *Dagestanskij sbornik*. 1902;1:231–372. (In Russ.).
8. Mukhanov VM. The Conqueror of the Caucasus Prince A.I. Baryatinsky. Moscow: ZAO Centropolygraf; 2007. 428 p. (In Russ.).
9. The complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection (1825-1881). St. Petersburg: Printing House Of the 2nd Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1853. Vol. XXVII. No. 26740. (In Russ.).
10. The complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection (1825-1881). St. Petersburg: Printing House Of the 2nd Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1858. Vol. XXXII. No. 32541, No. 33847, No. 38326. (In Russ.).
11. The complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection (1825- 1881). St. Petersburg: Printing House Of the 2nd Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1877. Vol. XL. No. 42368. (In Russ.).
12. The complete collection of laws of the Russian Empire. The second collection (1825- 1881). St. Petersburg: Printing House Of the 2nd Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1878. Vol. XLI. No. 4913. (In Russ.).
13. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). F. 400. Inv. 1. D. 950. (In Russ.).
14. Silaev NY. The North Caucasus as part of Russia in the second half of the XIX century: demographic, economic, administrative and legal aspects of integration: dis. ... Candidate of Historical Sciences. Moscow; 2002. 240 p. (In Russ.).